

Елена Палашек

Любимый хозяин

Я – такса-дворянка.

Думаю, моей маме понравился залетный дворовый пес. Плод их любви оказался симпатичной и весьма сообразительной сукой, с ногами длиннее, чем у мамы.

Мне всегда нравилось мое прозвище – Стрелка, потому что его придумал лучший на свете человек – мой хозяин.

Больше всего я люблю ходить с ним на охоту, носиться по полям и перелескам, поднимая птиц, отыскивая норы лисиц и сгоняя зайцев под прицел старенькой двустволки «Зауэр». Она дает отличную кучность при стрельбе дробью. А кучность важна, всегда боялась, что шальная дробинка догонит не только дичь, но и меня.

Иногда после удачной охоты мне доставались потроха, и это было самое большое счастье. Правда, чуть меньшее, чем лизнуть руку хозяина.

В тот злополучный день мне вздумалось сбегать на разведку, пока хозяин с другом обедали и открыли уже вторую бутылку водки.

Откуда мне было знать, что друг решил подстраховаться капканами?

Когда железные челюсти захлопнулись на задних лапах, я взвыла так, что сирена скорой помощи могла бы позавидовать. Как они орут, я слышала часто, недалеко от нашего дома дневали и ночевали эти белые машины с красными крестами. Время от времени они проносились мимо нас. Я всегда старалась перекричать их, и вот, наконец, получилось.

Но только ко мне подбежали хозяин с другом, я перестала кричать и тихонько попросила о помощи. Не хотела жаловаться – как

меня напугал хруст косточек, как это больно, когда осколки впи-
ваются в кожу. А вот мой хвост предательски завился. Как зави-
дит хозяина, он вообще перестает меня слушать и готов вилять
хоть сто раз на день.

– Пропала собака! – хозяин присел на корточки, рассматривая
кровавое месиво, в которое превратились мои лапы.

– И что делать будешь? – друг, прихвативший бутылку водки,
глотнул из горлышка.

– Бля! Сука, какого хрена не сиделось ей? – хозяин заорал
на меня. – Ну вот и подыхай теперь тут.

Потом он вскочил, выхватил у друга бутылку и вылил остаток
водки в горло.

– Лучше б на ноги, – нерешительно возразила я.

Хозяин сделал вид, что не понимает. Он протянул пустую бу-
тылку другу и сказал:

– Пошли.

– Ну хоть пристрели ее, чтоб не мучилась.

– Сама подохнет.

Они ушли. Я лежала, ойкая от боли. Мне стало так страшно,
я обратилась к собачьему богу, подняв глаза. Он сидел на облаке
и был похож на моего хозяина.

Осенний день стал хмуриться, сдвигая тучи, словно навсегда
закрывая створки ворот в нашем дворе, и, расчувствовавшись,
расплакался, как я.

Струи холодной воды неожиданно принесли мне облегчение,
я попыталась освободить лапы.

А вы знаете, что визг собак имеет миллионы оттенков? Если
вы слышите звуки, похожие на человеческий стон, это значит, что
боль уже невыносимая.

Когда я вытянула левую лапу, содрав мясо до кости, в горле
пересохло, и я даже стонать уже не могла.

Правая была зажата почти у хвоста, освободить ее не по-
лучалось.

И тогда я... просто отгрызла лапу.

– А ты бы так смог? – шептала я так тихо, что даже если б
хозяин был рядом и приложил ухо к моей пасти, то не услы-
шал бы.

На двух передних лапах я побежала вслед за ним. Я надеялась, что он ждет меня, и вскоре, лизнув его руку, я расскажу, что совсем не обижаюсь.

Но сил хватило только доползти до крайней хаты какого-то поселка.

Ворота железного сарая были нараспашку, и я заползла в него. Запахи бензина, пыли, старья, прокисшего варенья казались мне такими знакомыми, что я успокоилась.

Кричать не хотелось, да и не было сил, просто тихо лежала, ожидая помощи.

И вдруг я почувяла, что где-то рядом не меньше чем сотня собак перегавкиваются, сплетничают обо мне. Просто стало страшно, эти собаки могут загрызть меня, немощную. А я очень хотела жить, чтобы снова ходить на охоту с хозяином.

Когда старушка, пахнувшая козьим молоком и пирожками с мясом, вышла закрыть ворота сарая, она увидела меня. Приближаясь, она ворчала, как старая кошка в нашем доме, которую я любила. Мы даже иногда в холода ютились на одном коврике.

– И что это за чудо природы? У меня в Донецке собаки даже после бомбежки лучше выглядели. Вот нужны мне эти проблемы?

Приблизившись, старушка чуть не расплакалась:

– Я, конечно, закаленная войной... Ой как жалко, прям сердце разрывается.

Она вздохнула так, как однажды полуживая утка, когда хозяин занес секач над ее шеей, и тут же схватилась... за палку.

Сначала старушка стучала рядом со мной по земляному полу, потом просто начала меня толкать, вернее, выталкивать.

– Ты разве человек? – теряя последние силы, я пыталась с ней спорить.

Когда меня вытолкали за ворота, я потеряла сознание. Но мой собачий бог неожиданно решил, что умирать мне рано.

Очнулась я на руках худощавого небритого мужчины. Он осторожно нес меня и уговаривал:

– Потерпи, моя красавица. Сейчас поедem к доктору.

В ветклинике мне понравилось: в нос лезли незнакомые успокаивающие запахи, да и боли почти не чувствовала.

Я быстро сообразила, что боль забирала с собой девушка с голубыми глазами и шприцем. Кроме этих глаз и шприца, я долго ничего не видела.

Сквозь дымку сна я слышала тихие и громкие разговоры и не понимала, почему здесь нет любимого хозяина, ведь я выздоравливаю и снова смогу помогать охотиться. Правда, на двух передних лапах, без задних, это будет труднее, но я справлюсь.

И вот небритый мужчина забрал меня из клиники.

Всю дорогу я пыталась спросить о хозяине, взвизгивая громче, чем могла.

Но вместо ответа о любимом человеке вдруг услышала:

– Не знаю, как тебя звали, но будешь отныне Культя. Не обижайся за такое прозвище, мы с женой тебя и такую любить будем. У нас в приюте уже восемьдесят восемь собак, ты будешь восемьдесят девятой. Только, чур, кошек не обижать, да и собак тоже, и тебя никто не обидит. А там, глядишь, и хорошие руки найдутся, и пристроим тебя. Ты ж экзотическая и живучая, как кошка.

– Почему как кошка? – возмутилась я. – Никто мне не нужен. Я люблю хозяина. Уверена, он меня найдет. Пойми, небритая твоя голова, он сбежал случайно, просто испугался!

Но на всякий случай я лизнула руку незнакомого мужчины и подумала: «Жаль, что он не ты...».

